

Е. А. Матвиенко

СОВРЕМЕННЫЙ ИСЛАМСКИЙ ТЕРРОРИЗМ: СУЩНОСТНЫЕ ПРИЗНАКИ И ПУТИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ

В статье рассматривается феномен современного исламского терроризма, сделана попытка понять породившие его причины и наметить пути противодействия. По мнению автора, современный исламский терроризм является продуктом сложного взаимодействия присущих исламу эндогенных оснований радикализма и современных глобализационных процессов.

Ключевые слова: терроризм, ислам, современный исламский терроризм, Запад, глобализация.

Е. А. Matvienko

MODERN ISLAMIC TERRORISM: ESSENTIAL FEATURES AND WAYS OF COUNTERACTION

In the article the phenomenon of modern Islamic terrorism is considered. The attempt to understand its causes and outline ways of counteraction is made. According to the author's opinion, the modern Islamic terrorism is a result of the complicated interaction of endogenous radicalism grounds typical for Islam and modern globalization processes.

Keywords: terrorism, Islam, modern Islamic terrorism, the West, globalization.

Феномен терроризма в последнее десятилетие обсуждается едва ли не чаще, чем что-либо еще. Было предложено более ста определений терроризма — но ни одно из них не приобрело статус общепринятого [9, с. 50]. Более того, исследователи вынуждены констатировать: «Мы не знаем, что такое терроризм — ни как понятие, ни как реальный феномен»; «Терроризм сегодня — понятие практически не определенное» и т. п. [10, с. 5, 19].

Разумеется, с такими заявлениями согласны далеко не все. «Не существует и не может существовать явлений, — указывает В. В. Витюк, — не поддающихся определению на основе их родовых, устойчивых признаков» [10, с. 21]. Мысль сама по себе бесспорная. Однако не являются ли столь серьезные трудности, возникающие при попытках концептуализировать терроризм, свидетельством того, что при такого рода попытках нарушается закон тождества? Не используется ли термин «терроризм» для обозначения явлений, имеющих ряд сходных

признаков, но по сути своей глубоко различных? Не слишком ли мы самонадеянны, считая, что существует понятие, содержание которого включает в себя и покушение Веры Засулич на петербургского градоначальника Ф. Ф. Трепова, и атаку на Всемирный торговый центр 11 сентября 2001 г. ? Не уподобимся ли мы в этом случае «исследователю», который подбирает общее понятие, к примеру, для стула и лошади — только на том основании, что у них, как правило, четыре ноги и на них можно сидеть?

Мы позволим себе предположить, что сегодня человечество столкнулось с принципиально новым явлением. За неимением лучшей альтернативы будем использовать для его обозначения громоздкое сочетание «современный исламский терроризм», подчеркивая тем самым его отличие и от связанного с исламом терроризма прошлого, и от иных форм современного религиозного терроризма. Его особенности видятся в следующем:

1) опора на исламистскую идеологию как системообразующий элемент;

2) крайнее ожесточение, нежелание идти на какие-либо уступки и компромиссы;

3) поистине всемирный характер — как в плане выбора объектов для атаки, так и в плане наличия сторонников и сочувствующих;

4) активнейшее взаимодействие со средствами массовой информации, «демонстративность» (адресованная прежде всего исламскому миру с целью соответствующей обработки общественного мнения и рекрутирования новых бойцов);

5) направленность террористических акций прежде всего против мирного населения;

6) качественный рост технической оснащенности и подготовки террористов, реальной и потенциальной мощи террористических атак, реальная перспектива получения террористами оружия массового уничтожения;

7) переход от иерархических организационных форм к организациям, построенным по сетевому принципу. Как удачно формулирует М. Олбрайт, «Аль-Каида — не уличная банда, членов которой можно выследить и посадить за решетку. И не вражеская армия, которой можно нанести решающее поражение на поле боя. Она как инфекционный вирус, передающийся от одного больного к другому...» [7, с. 223];

8) сращивание с организованной преступностью, прежде всего с наркоторговлей;

9) появление государств, сознательно и последовательно поддерживающих террористов (Иран, Судан, Палестина, отчасти Саудовская Аравия и Пакистан, в недавнем прошлом — Ливия, Афганистан, Ирак);

10) глобальный характер конечных целей террористической деятельности. Как писал влиятельный идеолог исламского фундаментализма С. Кутб, «Ислам желает такого мира, под сенью которого вся религия полностью бы принадлежала Аллаху, то есть, чтобы люди, все люди под сенью этого мира поклонялись только Аллаху».

Эффективно противостоять современному исламскому терроризму человечество пока не научилось. Да и вряд ли научится ранее, чем

удастся выявить причины, корни того всплеска террористической активности, свидетелями которого мы являемся. Для их прояснения необходимо ответить на два основных вопроса.

Первый из них звучит следующим образом: правомерна ли характеристика современного терроризма как исламского? Иначе говоря, является ли вероисповедание большинства современных террористов чем-то случайным по отношению к их деятельности либо именно религиозными факторами эта деятельность в основном (или в значительной мере) и порождается?

Позиция, занимаемая по этому вопросу политиками, СМИ и общественным мнением немусульманских государств, за редким исключением, сводится к двум взаимоисключающим точкам зрения. Первая заключается в утверждении, что ислам — религия любви, умеренности, милосердия и справедливости, следовательно, ислам не имеет и не может иметь никакого отношения к дестабилизирующим общество процессам, сопровождающимся акциями насилия, а тем более — к терроризму. Радикалы же исламом просто прикрываются, не имея на это никакого права. Второй подход, напротив, сознательно формирует облик ислама как религии насилия и вражды, доказывая наличие эндогенных оснований радикализма в исламе. На деле ситуация не так однозначна.

Безусловно, можно выделить ряд порождающих международный терроризм причин, непосредственно не связанных с исламистской идеологией. К ним относятся:

1) неэффективность применявшихся в исламских странах моделей модернизации. Попытки создания «современного» общества исходили из необходимости ускоренной урбанизации и резкого роста образовательного уровня людей. Однако рынок труда не смог развиваться достаточно быстро. В результате в городах скапливались

огромные массы неплохо образованных, но не имеющих возможности найти свое место в жизни людей. Как подчеркивает известный французский исследователь Ж. Кепель, именно неимущая городская молодежь является социальной базой исламистских движений и основным поставщиком «кадров» для экстремистских групп [2, с. 164, 165];

2) демографическая ситуация в исламском мире. С одной стороны, постоянно увеличивается количество мусульман (как в абсолютных цифрах, так и в доле в отношении к иным религиозным группам). Так, если еще сто лет назад мусульмане составляли 13% населения Земли, то в 1980 г. их было уже 18%, в 2000 — 23%, а к 2025 г. прогнозируется рост до 31%, что превысит суммарную численность всех христиан. С другой стороны, население исламских стран постоянно молодеет. За последние 30—40 лет большая их часть (а некоторые дважды) проходила через «молодежные пики» (15—24-летние составляли 20 и более процентов от населения). Молодежь же — «это олицетворение протеста, нестабильности, реформ и революции» [11, с. 176];

3) радикалистские течения в исламе постоянно подпитывает перманентно кровоточащий палестино-израильский конфликт, воспринимаемый в арабском мире как производное от захватнической политики враждебного исламу Запада [1, с. 66]. В тот же ряд встраиваются события в Ираке, Афганистане, Чечне и т. д. При всей их разноплановости они рассматриваются радикалами от ислама как звенья одной цепи — агрессии против исламского мира.

Заметим, однако, что при всей значимости названных причин, создающих питательную почву для терроризма, они не являются ни абсолютно уникальными, ни абсолютно независимыми от религиозного сознания.

Трудности модернизации, высокая рождаемость при низком уровне жизни и конфликты с Западом характерны в той или иной степени для большинства (если не для всех) не-Западных культур. Однако ни конфуцианская, ни индо-буддийская, ни латиноамериканская, ни культуры Тропической Африки не породили ничего, даже близко похожего на исламский экстремизм и терроризм как его крайнюю форму. Можно согласиться с бывшим госсекретарем США М. Олбрайт, что «в каждом религиозном тексте, будь он священным для христиан, мусульман или иудеев, имеются прямые или косвенные указания, санкционирующие нетерпимость или освящающие войны» [7, с. 147]. Но усилия, требуемые для превращения такого рода указаний в непосредственную идеологию террористов, для различных священных текстов будут несопоставимы. Причины исламского экстремизма следует искать не только вовне, но и внутри исламской культуры.

Не следует также закрывать глаза на очевидные различия и ставить знак равенства между политическим терроризмом и общеуголовной преступностью. Это неоправданно упрощает проблему, а тем самым затрудняет поиски ее решения. Сделанное во время нападения бандформирований на Дагестан в 1999 г. (и повторявшееся впоследствии) высказывание В. В. Путина о том, что преступники не имеют ни религии, ни национальности, не соответствует реальности. Печально, что десять лет спустя российская власть вновь наступает на те же грабли. Во время визита в Дагестан Д. А. Медведев заявил, что «мы не должны называть экстремистов «исламскими экстремистами». Правильное наименование бандитов — просто бандит. У него нет религиозного содержания...» [12]. «Не видят» связи между исламом и терроризмом не только светские, но и духовные лидеры. Прочитируем

председателя Совета муфтиев России Р. Гайнутдина: «Террорист не может быть мусульманином, а мусульманин не может быть террористом» [4, с. 90].

Уважаемый священнослужитель явно выдает желаемое за действительное. Разумеется, количество террористов в общей массе мусульман ничтожно. Но среди террористов мусульмане, к сожалению, преобладают. Приблизиться к пониманию причин, «ответственных» за возникновение исламского терроризма, позволяет выделение следующих имманентных характеристик ислама:

1) тотальность исламской религии, которая жестко регламентирует все сферы жизнедеятельности верующих и тем самым полностью подчиняет себе личность;

2) неразрывная связь ислама и политики, «сакрализация» политической борьбы и ее целей;

3) идея единства мусульманской общины — уммы, которая трактуется как «подлинно богоизбранный народ». Поэтому мусульмане, независимо от страны, в которой они проживают, тянутся друг к другу как братья по вере. Отсюда различные панисламистские концепции, пропагандирующие объединение мусульман всего мира в единое государство в форме халифата, а в краткосрочной перспективе — проведение мусульманскими странами согласованной внешней политики. Указанный идейный комплекс закономерно приводит исламистов к идее мирового господства, «экспорта» исламской революции, предопределяя международный характер современного терроризма;

4) крайний фатализм в сочетании с религиозным фанатизмом и энтузиазмом, что порождает идеализацию образа шахиды — мученика, погибающего за веру и гарантирующего себе место в раю;

5) значительное внимание, уделяемое борьбе с врагом, который определяется понятием «кафир» — неверный. Одной из форм борьбы за веру (джихада) является вооруженное противостояние «неверным», участие в котором является религиозной обязанностью. Современный исламизм создает

настоящий культ «воинов джихада» (муджахидов), которые подаются как идеал мусульманина [5, с. 13—26].

Разумеется, все перечисленные особенности исламского вероучения истолковываются и заостряются (а порой и искажаются) современными радикалами от ислама с целью идеологического обоснования терроризма. Но несомненно и то, что исламские догматы допускают возможность подобного толкования. На наш взгляд, возникающая ситуация схожа с известной проблемой взаимосвязи ницшеанской философии и нацизма. Одобрил бы Ницше политическую практику Третьего Рейха? Очевидно, нет. Но практика эта опиралась (в числе прочего) и на идеи немецкого философа, которые объективно могли быть (и были) интерпретированы как оправдание захватнических войн и геноцида (а то и призыв к ним!).

Итак, повторим еще раз: исламское вероучение объективно содержит в себе возможность такой трактовки, которая превращает его в мощнейшее идеологическое оружие в руках террористов, оправдывает их действия и мобилизует на их совершение.

Этот вывод вплотную подводит нас ко второму важнейшему вопросу: почему сегодня именно такого рода интерпретация все более актуализируется, приобретает массу сторонников и становится руководством к действию, а идеологи подобной направленности оттесняют традиционное духовенство и претендуют на то, чтобы говорить от имени всех мусульман? Или — в иной формулировке — в чем заключается современность исламского терроризма?

Мы оставляем здесь в стороне конкретно-исторические обстоятельства его становления и развития (они систематически изложены, например, В. Кондратьевым) [3]. Если же говорить об обстоятельствах фундаментальных, современный исламский терроризм является результатом диалектического взаимодействия двух факторов: указанных выше особенностей исламского вероучения и ряда объективных тенденций в развитии современной цивилизации. Речь идет прежде всего о набирающих ход глобализационных процессах.

Эти процессы были особенно болезненно восприняты именно мусульманами. Многие исламские страны стали главными «жертвами» глобализации. Особенно остро это ощущается там, где глобализационный шок не могут смягчить богатые нефтяные месторождения или иные природные ресурсы. В отличие от ряда иных конфессий, ислам — не просто религия, но исторически укоренившийся образ жизни. В подобной ситуации глобализационные импульсы неизбежно воспринимаются как покушение на религиозные постулаты. Соответственно, защита традиционных укладов приобретает религиозные формы. И чем сильнее потребность в такой защите, тем большее значение приобретают фундаментальные основы веры. Не следует забывать, что важным элементом исторического становления ислама были военные столкновения с христианами. Из общественного сознания мусульман Ближнего Востока до сих пор не стерлись воспоминания о крестовых походах. Это, в свою очередь, придает особую значимость фундаментальным ценностям в противовес глобализации, которая нередко рассматривается как современный вариант натиска на исламский образ жизни.

На наш взгляд, такое рассмотрение вполне правомерно. Процессы глобализации идут сегодня именно в форме вестернизации. На самом Западе этот факт воспринимается как нечто само собой разумеющееся, причем в такой степени, что и обоснование превосходства западной системы ценностей считается чем-то излишним. Это — допущение парадигмального уровня. Вирус европоцентризма с громадным трудом поддается лечению. Даже серьезные исследователи часто походя оценивают незападные культуры как отсталые (чтоб не сказать — варварские) и искренне удивляются нежеланию их носителей с восторгом принять западные ценности.

Зеркальным отражением такой позиции является современный исламизм. Н. Н. Моисеев еще в 1995 г. подчеркивал, что агрессивность современного исламского мира — ответная и естественная реакция на экономическую, военную и культурную экспансию Запада [6, с. 148]. Абсолютно правы те авторы, которые

утверждают, что исламизм представляет собой единственную на сегодняшний день системную оппозицию глобализации-вестернизации. Более того, исламисты переходят в контрнаступление. Мнение, что «терроризм для исламского мира — всего лишь попытка восстановления справедливости», во многом верное для оценки ситуации 15—20-летней давности, стремительно теряет актуальность [8, с. 13].

Даже если каким-то чудесным образом Запад «оставит мусульман в покое», теракты не прекратятся. Как заявил в интервью журналу «Шпигель» один из лидеров египетских исламистов, наши бойцы будут наносить удары, пока не исчезнут богохульники» [4, с. 150]. Универсалистские претензии исламистов выкристаллизовались и окрепли в противовес претензиям Запада на мировую гегемонию. «Глобализация стремительно приобретает характер конкуренции между цивилизациями», — подчеркивает В. А. Соснин [10, с. 35]. Впервые с момента краха мировой социалистической системы либерализм столкнулся с не менее мощной, чем он сам, идеологической силой. Противостояние приобретает еще более острый характер, если учесть, что (в отличие от исламизма) и либерализм, и социализм — это продукты Западной цивилизации, несущие в себе ее родовые черты. Запад говорит от имени «современности» и пытается утвердиться в исламском мире, используя новейшие экономические, информационные, военные технологии. Исламский мир представляет «традицию» и применяет те методы борьбы, которые ему доступны, в том числе и те, которые мы называем террористическими.

Какие же выводы можно сделать из сказанного выше? Мы никоим образом не призываем поставить знак равенства между мусульманами и террористами. Огромное большинство мусульман — это мирные, законопослушные люди, больше других страдающие от деятельности экстремистских группировок. Но не следует впадать в другую крайность и утверждать, что современный терроризм не имеет ни национальности, ни религии. Он обладает и тем, и другим, и пока мы

не поймем этого, борьба с международным терроризмом (в том числе силовыми методами) обречена на провал. Ложно понимаемая «политкорректность» не позволяет противостоять террористам на пропагандистко-идеологическом фронте, перехватить у них инициативу влияния на общественное сознание рядовых мусульман. Такого рода влияние (в т. ч. по поводу решения социально-политических проблем) может и должно осуществляться прежде всего в духовном пространстве, очерченном религией — ибо такова особенность исламской цивилизации. Уважать ее специфику — это и значит проявлять подлинную политкорректность.

В то же время следует отдавать себе отчет в том, что ответственность за интенсификацию современного исламского терроризма отчасти лежит и на Западной цивилизации. Ее представители (включая и Россию) порой смотрят на исламский мир свысока, проводят по отношению к этому миру не всегда продуманную и взвешенную, а часто и откровенно агрессивную политику, — политику, замешанную на этноцентризме, невежестве, циничном преследовании своих геополитических и геоэкономических интересов. Образно говоря, за события 11 сентября в ответе не только «Аль-Каида», но и ЦРУ.

Без ясного осознания перечисленных фактов мы никогда не сможем разобраться в истоках и движущих силах современного исламского терроризма, а значит, не сможем эффективно ему противостоять.

Список библиографических ссылок

1. Галкин А. А. Глобализация и политические потрясения XXI века. // Полис. 2005. № 4.
2. Кепель Ж. Джихад: Экспансия и закат исламизма. М., 2004.
3. Кондратьев В. Активизация деятельности исламских экстремистских организаций // Зарубежное военное обозрение. 2001. № 11.
4. Кудрявцев В. Н. (ред.). Терроризм и религия. М., 2005.
5. Матвиенко Е. А. Актуальные проблемы мировой политики и международных отношений на современном этапе. Место и роль России в мировом сообществе. Волгоград, 2007.
6. Моисеев Н. Н. Экологический кризис и цивилизационные конфликты // Проблемы глобальной безопасности. М., 1995.
7. Олбрайт М. Религия и мировая политика. М., 2007.
8. Россия, безопасность, терроризм (круглый стол) // Свободная мысль — XXI век. 2001. № 12.
9. Терроризм — угроза личности, обществу, государству. Красноярск, 2005.
10. Терроризм в современном мире // Опыт междисциплинарного анализа (материалы «круглого стола»). Вопросы философии. 2005. № 6.
11. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М., 2003.
12. Царев И. Пристегивайтесь! // Рос. газ. 2009. 3 сент.